

A photograph of two people from the waist down, holding hands in the center. The person on the left wears a plaid shirt and dark pants. The person on the right wears a dark corduroy jacket and dark pants. They are standing in a grassy field with a blurred background.

*НАТАЛЬЯ
МЕДВЕДСКАЯ*

ВТОРОЙ ШАНС

16+

Наталья Брониславовна Медведская

Второй шанс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23990008

SelfPub; 2022

Аннотация

В книге "Второй шанс" две повести: "Прикосновение ангела" – Саша подчинилась родителям и порвала с любимым. Сделала как они хотели: вышла замуж за обеспеченного человека, пошла учиться в институт, выбранный матерью. Теперь у неё замечательный дом, любящий муж, нет только счастья. Жизнь отомстила за покорность скукой и тоской по прошлому. Саша чувствует себя пустой оболочкой без души. Однажды она открыла альбом со старыми снимками – это и странная картина, подаренная единственным близким человеком Никитой, перевернули её спокойную жизнь. Сможет ли Саша прервать анабиоз наяву и воспользоваться волшебным переходом в таинственный мир. "Второй шанс" – Иванна не сразу осознала: мечта выйти замуж и жить в городе, не сделала её счастливой. Измена мужа, как ни странно, помогла очнуться и дала возможность взглянуть на себя со стороны. Она больше не боялась потерь и решила всё изменить. Ей удалось победить демонов страха из детства и вернуться домой, туда, где осталась преданная ею любовь.

Содержание

Прикосновение ангела	4
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Наталья Медведская

Второй шанс

Прикосновение ангела

ГЛАВА 1

Раннее субботнее утро. Саша, еле сдерживая раздражение, готовила мужу завтрак.

«Выходной. Зачем вставать в семь? А если поднимаешься, готовь завтрак сам», – думала она, зная, что сказать это вслух – обеспечить гнетущее молчание дня на три.

Хотя с некоторых пор молчание Олега перестало тяготить её. Мужа раздражало любое отступление от правил, установленных им. Нет, он не третировал её, просто по отношению к себе требовал соблюдения распорядка. Буквально с первого дня семейной жизни Олег ласково попросил жену подавать ему завтрак точно в семь утра. Единственный повод к нарушению этого правила – отсутствие Саши по уважительной причине. С самого начала они не совпали по жизненным ритмам. Она могла допоздна читать книгу, смотреть интересный фильм, а Олег неизменно укладывался спать в десять вечера и просыпался ровно в шесть часов утра. Бодро делал

зарядку, принимал контрастный душ и весёлый, свежий появлялся на кухне. Заспанная и сердитая Александра оживала только к десяти часам, ругая себя почему зря. Наступал вечер, и все повторялось сначала, она не могла заставить себя лечь пораньше.

На следующий же день, после медового месяца, проведенного в Сочи, молодой муж разбудил её:

– Солнышко, просыпайся, подай завтрак, а потом досыпай, сколько хочешь.

– А ты сам не можешь разогреть? Там же всё готово, – удивилась Саша.

– У меня всё расписано по минутам, а главное, я привык. Раньше это делала мама, теперь твоя обязанность.

Чертыхнувшись про себя, она встала. Оказалось: нужно сварить свежую молочную кашу, сделать салат и разогреть мясо. Её удивил странный набор блюд. Ну ладно салат и мясо – плотный мужской завтрак. А вот молочная каша – выше её понимания. После приготовления завтрака, снова ложиться в постель было бесполезно. Саша испробовала всё, сопротивляясь раннему пробуждению: ласку, бунт, уговоры – ничто не помогало.

Теперь помешивая, ненавистную кашу, вспоминала, как Олег учил её относиться к его требованиям серьёзно. Однажды, вкладывая в слова всю нежность, на какую она оказалась в ту минуту способна, попросила:

– Дорогой, я с вечера положила завтрак в тарелки. Тебе

остаётся только поставить в микроволновку. Хорошо?

Муж молча посмотрел на неё и вышел из спальни. Она не видела, как нахмурилось его всегда спокойное лицо. Большие, чуть навывкате, чёрные глаза загорелись мрачным огнём. Крылья крупного носа недовольно раздулись. Если бы Александра заметила это, то догадалась бы о предстоящей буре, но она безмятежно заснула.

Вечером они собирались пойти на день рождения её школьной подруги Элины, об этом договорились ещё неделю назад. Снежинская пригласила их в один из лучших ресторанов города. Саша ждала Олега после работы. Выглаженный костюм мужа висел на плечиках, нарядное платье приготовлено, причёска сделана. Она красила ногти лаком, когда раздался телефонный звонок.

– Извинись перед подругой, я задерживаюсь на работе, – сообщил супруг и положил трубку.

Ей хотелось узнать: насколько он задержится, но телефон не отвечал. Зря набирала номер спустя полчаса, час, два. Муж приехал в половине десятого вечера. На её упреки спокойно ответил:

– Видишь, как неприятно, когда твои намерения кто-то нарушает. Я поужинал у родителей, теперь приму душ и спать.

Оторопевшая Александра не смогла вымолвить и слова. Минут через десять она пришла в себя и ворвалась в спальню.

– Ты считаешь неприготовленный завтрак и то, что я прождала тебя четыре часа, обидела подругу – равноценно?

– Для меня да. Ты показала, что мои желания для тебя ничего не значат.

Голос Олега звучал размеренно, не повышаясь и на тон.

– Уже десять минут одиннадцатого, ты тратишь моё время, – сказал он и отвернулся к стене.

Молчаливая война длилась три дня. Чувствуя себя преступницей, Саша по утрам не появлялась на кухне. В доме повисла тяжёлая тишина. На четвертый день в их просторной квартире появилась свекровь – Фаина Ясоновна Андриади.

– Здравствуй, деточка.

Переваливаясь, как утка, она бодро просеменила на кухню.

Невестка пошла за ней. Фаине Ясоновне недавно исполнилось шестьдесят лет. На ней был обычный наряд: просторное платье яркой расцветки, туфли на низком каблуке, на шее штук пять разных золотых цепочек. Она взобралась на стул.

– Налей-ка чайку. Поговорим.

Саша, зная, что просто чай свекровь не пьет, принялась ставить на стол тарелки с колбасой, сыром, булочки, варенье, мед. Налила большую кружку крепкого чая.

– У нас в семье почти у всех слабые желудки, – сообщила гостя, откусывая приличный кусок хлеба с колбасой и за-

пивая большим глотком чая.

Саша с удивлением покосилась на неё. И свекровь, и свекор любили плотно покушать, имели избыточный вес.

– Да-да. Особенно Олежек, если он хорошо не позавтракает, у него сразу портится настроение и болит живот. А тогда не ладится работа. Ты, милая, будь поласковее, делай, что он просит. Тебе ведь это нетрудно?

Она подняла голову в мелких кудряшках цвета меди и сузила глаза, ожидая ответ.

– Нет, – буркнула Александра.

– Вот увидишь, как всё славно сложится. Он у меня замечательный мальчик, ценит семью. Разве Олежек не заслуживает к себе хорошего отношения? Он обеспечивает тебя всем, работает не покладая рук.

– Заслуживает, – вздохнула Саша.

Фаина Ясоновна посмотрела на тонкие пальцы невестки, сложившие из бумажной салфетки розу, и поджала губы.

«Говорила сыночку, не пара тебе это воздушное создание, такая только в облаках витать будет. Для жизни нужна крепкая женщина, чтобы и приготовила, и порядок в доме навела, и детей выносила. А эта, прости господи! Косточки хрупкие, ручки, ножки – палочки. Лицо херувимчика, глазки непонятного цвета, а хитрая... Мальчику завтрак лень приготовить. Дрыхнет до обеда, лентяйка!»

– Мужчины, как дети, ты к ним с любовью и добром – они тем же ответят. Ты девочка умная, не перечь мужу, – поуча-

ла свекровь. — На его плечах рыбзавод, ответственность за людей. Ему дома покой и порядок нужен. Понятно, лапонька? — Фаина Ясоновна снова прищурила круглые тёмные глаза, утопающие в пухлых, не по возрасту гладких щеках.

— Я поняла, — усмехнулась невестка.

Гостья поднялась.

— Ну, раз всё выяснили, спасибо за чай.

Саша и сама, устав от невыносимой обстановки в доме, собиралась смириться. Она не любила ссор и скандалов. Её родная мать обладала сильным, жёстким характером и часто почти таким же способом, как муж, приводила в чувство близких. Пока Саша жила в родительском доме, подчинялась матери. Если бунтовала, поступая не так, как хотелось родительнице, получала похожий бойкот. Она никогда не выдерживала его и сдавалась.

«Получается, мужа выбрала с таким же норовом, как у собственной матери».

Саша помешивала кашу на плите, когда на кухню вошёл муж. Он счастливо улыбнулся и поцеловал её в щёку. Она была прощена. Вечером Олег принёс в подарок набор дорогих кистей для рисования из беличьего меха. Саша давно о таких мечтала. Да, свекровь хорошо знала своего сына.

Вскоре Александра убедилась: если она выполняет установленные супругом правила, то он окружает её теплом и любовью, засыпает подарками.

«В конце концов, не так уж много он требует: утренний

завтрак, ужин, нечастое исполнение супружеского долга. А взамен дает обеспеченную жизнь, возможность заниматься любимым делом, чувство надежного плеча, – размышляла она. – Наверно, каждый брак – это сделка».

Ремезов – небольшой город, но он стоял на берегу Азовского моря, и это делало его привлекательным для летнего отдыха. Когда Саша жила с родителями, гости в их квартире появлялись редко. Её мама не относилась к когорте радушных хозяек: поэтому двоюродные тети и дяди в их трёхкомнатной квартире задерживались редко. Выйдя замуж, она стала жить с мужем в его огромной квартире. Родственники узнали об этом и стали навещать к ним. И тогда оказалось: муж тоже не любит принимать у себя гостей, особенно родичей с её стороны. Александра надолго запомнила угрюмое лицо супруга и то, как он цедил слова сквозь зубы, общаясь с семьей её двоюродной сестры. Саша измучилась за две недели, пытаясь угодить всем и смягчить негостеприимность Олега. Он не упрекал жену, но она чувствовала недовольство и ощущала неловкость перед сестрой. Поведение мужа отравляло радость от встречи с родными или друзьями.

Если приходилось идти в гости самим и они задерживались допоздна, муж вставал как обычно, но в обед обязательно ложился добрать положенные часы сна. Две священные коровы почитались в семье Андриади: вкусная еда и правильный сон. Посягнуть на них – значило нажать себе неприятности.

В последнее время слова для Александры потеряли всякий смысл. Все меньше у неё появлялось желание говорить с кем-либо. Все чаще хотелось лечь и отвернуться лицом к стене и чтобы оставили в покое. Она понимала – это ненормально. Врач назвал состояние Саши обычной депрессией. Первые признаки она заметила четыре года назад, внезапно уловив, что её слова звучат, как вынужденная ложь.

На свой день рождения свекровь пригласила много гостей. В загородном доме в большой гостиной накрыли столы для праздника. Произносились тосты, гости лакомились вкусной едой. Официанты подавали еду и напитки. Приглашенный оркестр из местного ресторана играл любимые мелодии Фаины Ясоновны. Сама хозяйка поднялась в спальню на третий этаж, чтобы примерить подаренное мужем кольцо. Сашу позвала с собой.

– Подходит ли мне эта красота? – Тёмные глаза свекрови восторженно засверкали.

Саша задумчиво смотрела в окно на по-осеннему яркий сад, на ухоженные клумбы, красиво подстриженные кустарники и не слышала вопроса.

– Ау, заснула что ли! Как тебе украшение?

Саша посмотрела на неё и осознала, что сейчас произнесёт очередную ложь. Колье из нескольких нитей граната пря-

талось в складках жира на полной шее женщины и смотрелось на ней багровым ошейником.

– Красиво, – выдавила она из себя. Горечь лжи осталась на языке. – Я выйду в сад. Голова разболелась. – Саша поспешно вышла из комнаты.

«Что за физиономия у этой девчонки – вечная кислятина, – Фаина Ясоновна проводила невестку недовольным взглядом. – Хотя бы раз искренне порадовалась. Повеселилась. Поскандалила, в конце концов. Как снулая рыба. Смотреть противно. Говорила сыну, не торопись жениться, приглядиись получше. Невеста не нашего теста. Как в воду глядела, семь лет живут, а детей нет. Два года по клиникам проверялись. Врачи твердят: всё в порядке. У сыночка может и в порядке, а у этой сони дети просто не могут завестись».

Она плюнула с досады и бросила мимолётный взгляд в окно. Невестка сидела на скамье под кленом и вертела в руках желто-красный лист.

«Нелюдимая. Голова у неё болит. От безделья болит».

– Фаечка, ну где ты? Все ждут.

Атанас Андроникович вкатился в комнату жены и засеменял на коротких толстых ножках к зеркалу.

– Угодил с подарком? – кивнул он на ожерелье, любуясь вишневым блеском камней.

– Угодил! – подбоченилась Фаина. Взяла мужа под руку, и они вместе спустились к гостям.

Саша задумчиво рассматривала осенние краски на клено-

вом листе. Насчитала шесть цветов и почти десять полутонов. Обычный лист осень превратила в произведение искусства. Вечер, прячась по кустам, украдкой подполз к лавочке. Дальние деревья сада скрылись в вечерних сумерках. Туманное облако опустилось на землю, приглушило звуки музыки, доносящиеся из дома. Саша закрыла глаза и негромко запела:

Сегодня за окном туман¹,
Открою двери и растаю,
Домов верблюжий караван
Куда-то в дымке уплывает.
Дороги шум и улиц гам
Как будто тонут в хлопьях ваты,
И я плыву по облакам
И невесома и крылата...

– Кручина, имей совесть! Еле нашел тебя, – раздался рядом сердитый голос мужа. – Что опять не так?

Если Олег хотел выразить недовольство, называл её кличкой, прилипшей к ней со школы.

– Всё так. Просто голова разболелась, – вздохнула она, поднимаясь. Краем глаза заметила, как скривилось лицо мужа, но слова прозвучали ласково:

– Милая, ты можешь простудиться. Идём в дом. Мама обидится.

С некоторых пор Саша предпочитала помалкивать и наблюдать. Она обнаружила: мимика и жесты людей часто не сочетаются со словами.

Вот её школьная подруга Римма Петрова примеряет платье в магазине. Она немного поправилась, родив сына. Бедра потяжелели, но Римма до сих пор уверена: у неё девичьи ноги, поэтому носит ультракороткие юбки.

– Ну как?

Петрова крутится перед зеркалом, спрашивая Сашу и вторую подругу Элину.

– Класс! – Снежинская поднимает большой палец.

«Ужас!» – думает Александра. Римма выглядит, как тетка, одевшая одежду дочери, и делает попытку сказать правду:

– Тебе нужен немного другой фасон и чуть длиннее юбка.

– Кручина, ты просто завидуешь мне, признайся, – смеётся подруга и пританцовывает на месте.

– Завидую, – покорно соглашается Саша.

Римму Петрову не переубедить. Ей не нужна правда – она её не слышит.

Втроем они дружат с детства. В юности почти всё могли говорить друг другу. После тридцати лет эта самая правда начала обижать и вызывать отторжение. Когда-то без общих посиделок Саша не могла прожить и недели, теперь всё чаще сказывалась занятой. Подруги болтали о детях, о любовниках, а ей, не имеющей ни того, ни другого, оставалось де-

лать вид, что интересно. Она осознавала: не справедлива к мужу, подругам, к доброй и хлебосольной Фаине Ясоновне, но не могла подавить раздражение. Оно, как постоянная горечь во рту, присутствовало в её жизни. К тридцати годам у Саши был муж, большая квартира в городе, хорошая машина, дача, непыльная работа и никакой радости. Вставая по утрам, смотрела на своё хмурое лицо в зеркале. Отражение не радовало. За время брака она не набрала и килограмма лишнего веса, но это не являлось её заслугой. Апатия к жизни распространилась и на еду. Она давно потеряла аппетит, вся пища казалась ей безвкусной. Саша часто покупала деликатесы, думая, что их-то ей захочется съесть. Напрасно. Только переводила деньги. Наблюдая за коллегами, она убедилась: полнота у женщин чаще всего показатель каких-то проблем. Всегда оказывалось, или что-то не так со здоровьем, или нелады в семье, или душевный разлад человека с самим собой. Любящая и мечтающая нравиться, здоровая женщина никогда не позволит себе поправиться. А вот если муж перестал волновать и не хочется привлекать к себе внимания, тогда, пожалуйста, полная тарелка – лучшая подруга. Часто несогласие в семье, с мужем, детьми или неприятности на работе большинство дам просто заедают сладостями. Мы не признаемся себе, но представляя мужчину своей мечты, никто не грезит о толстом, пузатом, представителе сильного пола, с невзрачным лицом и маленькими глазками. А вот полные женщины почему-то уверены: излишняя пышность

форм не вредит их облику. Элементарная лень тоже добавляет жирку на бедра. Саша давно бы превратилась в толстую и только случайно избежала этого. Она ленилась вставать по утрам, шевелиться, делать зарядку, ходить на работу. Научилась готовить завтрак мужу в состоянии полусна. Закончив готовку, ложилась досыпать. Понимала, что всё глубже погружается в болото безразличия и апатии. В зеркале замечала свой тусклый взгляд, неприятно опущенные вниз уголки губ, бледную кожу, вялые движения. И думала: «Неужели эта скучная особа она – Саша?»

Когда поняла, что сама не способна выбраться из трясины уныния, обратилась к врачу. Усталый, замотанный мужчина выслушал её и сказал:

– Раньше ваше состояние назвали бы проще: беситесь с жиру, а сейчас величают депрессией. Причины разные – главная, недовольство жизнью. Если человек пережил горе, потерю, испытал потрясение и не может вернуться к нормальной жизни – я помогаю. В вашем же случае придется разбираться скорее со скукой. Подумайте сами, почему вам неинтересно жить?

Уходя из кабинета врача, Саша злилась. И без доктора знала: её ничто не радует. Давно появилось чувство, что она не живет, а медленно угасает. В юности Саша каждое утро просыпалась с ощущением чуда и встречи с радостью. Сейчас не могла ощутить и мизерной доли того удовольствия жизнью, которое тогда испытывала.

Первые три года супружеской жизни они строили дачу, делали ремонт в огромной квартире, подаренной отцом Олега на свадьбе. Александра с удовольствием выбирала кафель, ламинат, мебель, ткань для штор. У неё оказался хороший вкус и явный талант дизайнера. Каждую комнату она оформила по-разному, выдерживая во всей квартире один стиль. Выискивала всякие мелочи, сделавшие дом уютным.

Только наступление ночи немного тревожило её с первого дня замужества. Саша оказалась несовместима с мужем не только по темпераменту и ритму жизни, но и в интимной сфере. Александра сова, он жаворонок. Она имела порывистую, но мечтательную натуру, он обладал степенным, спокойным, жестким характером. Саша не получала никакого удовольствия в постели, а его если и тревожило это, то только в начале. Потом Олег рассудил: причина в ней и больше не волновался. Через год после свадьбы, чувствуя, что ей чего-то недостает в браке, намекнула супругу: заведём малыша.

Он ответил: «По плану сначала довести до ума квартиру, построить дачу, решить проблемы на работе, а потом думать о детях».

Пока обустраивали семейное гнездышко, Олег радовался: ничто не мешает осуществлять его намерения. Но вот стройка закончилась, муж объявил: пора подумать о детях. Ему исполнился тридцать один год, и теперь он готов стать отцом. Саша хотя была младше на пять лет, считала также. Нако-

нец-то пришло это время. Прошел год, второй, план супруга давал сбой: Она не могла забеременеть. Муж настоял на обследовании. Оказалось: они абсолютно здоровы. На предложение взять ребенка из детского дома Олег ответил:

– Мне нужен мой ребенок.

Трещина в их отношениях постепенно превращалась в пропасть. Сначала Саша переживала, завидовала подругам, которые жаловались на недосыпание и усталость, когда их дети болели, а потом вдруг успокоилась. Поймала себя на мысли, что не хочет детей от Олега. В голову закралась неприятная мысль, что не будет их любить. К тридцати годам она окончательно поняла: этот брак ошибка. Нынешняя депрессия – расплата за нелюбовь к мужу. Выходила замуж, зная, что не любит его, но он устраивал во всех отношениях и даже нравился ей. Оказалось, этого мало для счастливого брака.

Субботнее утро. Привычно приготовив завтрак, Саша собралась в постель. Она умудрилась подремать, помешивая кашу.

– Ты поедешь со мной на дачу? – Олег допил чай и посмотрел на неё ясным, чистым взглядом, хорошо выспавшегося человека.

– Нет. Мне к обеду нужно на работу, – солгала она.

Саша трудилась продавцом в антикварном магазине. Иногда ей действительно приходилось по выходным принимать товар. На эту работу она устроилась из-за удобного графика. Магазин открывался в одиннадцать и закрывался в шесть вечера. Прежняя работа вспоминалась с содроганием.

Когда Саша окончила институт, мать устроила её на своё место в компанию «Русский текстиль». Год работы в бухгалтерии запомнился лавиной бумаги, нудных цифр и мелкими интригами сотрудниц. Выдержав несколько крупных скандалов и разборок с дорогой родительницей, Саша уволилась. Ольга Вадимовна, будучи женщиной сильной и волевой, на этот раз потерпела крах. Она принудила дочь учиться в том институте, который выбрала сама, но с работой прощталась. В её мечтах Саша, начав с должности бухгалтера, достигнет пика карьерной лестницы – станет начальником Ремезовского отделения компании. Обычно Ольге Вадимовне удавалось заставить дочь выполнять её планы, но наступил момент, когда она не справилась. Саша взбунтовалась. Для Ольги Вадимовны наступил чёрный день. Она привыкла повелевать мужем и дочкой, и вдруг этот генерал в юбке остался без своей маленькой армии. Её девочка игнорировала приказы. Прежние угрозы строгой мамы: лишение денежной помощи, демонстративная обида, молчание – больше не подходили. Все рычаги влияния на Александру перешли к её мужу. Зять Ольге Вадимовне понравился с первого взгляда: целеустремленный, умный, собранный он идеально

подходил её мягкотелой, слабой дочери. Олег, познакомившись с будущими родственниками, отметил сходство своего и тёщиного характера. Он надеялся, что будущая жена норовом хоть чуточку пошла в мать. Внешность будущей невесты устраивала его абсолютно.

ГЛАВА 2

«Как же, на работу она пойдет! Сейчас уляжется в постель и будет дрыхнуть до обеда», – сердито думал Олег, надевая ветровку.

На даче предстояло сделать много дел: скосить траву, подстричь выросшие за лето деревья, собрать осенние сорта яблок. Он мог нанять Алексея, подрабатывающего в поселке садовником, но любил сам приводить участок в порядок.

«Да и не помешает размяться, а то стал образовываться животик».

При его коренастой, крепкой фигуре Олег выглядел упитанным. Как замечательно было раньше! Ещё три года назад он приезжал в загородный дом с женой. Вдвоём обихаживали сад, потом пили чай у искусственного пруда в беседке. Теперь Саша все реже и реже приезжала сюда, а если появлялась, то слонялась без дела, раздражая сонным видом. В последние годы она всё больше злила его своим равнодушием и безразличием ко всему. Иногда ему казалось: Саша не слышит и не видит ни его, ни людей, ни весь мир рядом. Же-

на словно погружалась в анабиоз, оцепенение, пугая всех отсутствующим взглядом. Олег редко видел улыбку на её лице. Милые ямочки на щеках, которые он так любил, давно не появлялись. Олег обожал её редкий смех, странный цвет глаз, нежный овал лица, небольшой рот, прозрачную тонкую кожу. Одиннадцать лет назад Саша поразила его своим жизненным, легким характером и внешностью. Она была среднего роста, но такая изящная. Маленькие покатые плечи, никаких торчащих косточек над грудью, никаких грубо выпирающих ключиц – всё сглажено. Аккуратные бедра, скрипичная талия. Щиколотки и кисти рук выглядели произведением искусства. Женщина – тайна. Переменчивые глаза непонятного цвета голубовато-зеленые с серым ободком вокруг зрачка посмотрели на него и вмиг стерли прежний его идеал: крепкой, черноглазой брюнетки. Куда подевалась наивная студентка, что случилось с ней? Почему вместо очаровательной девушки появилась печальная, вечно недовольная женщина. А как всё хорошо начиналось.

Он, Олег Андриади, начинающий бизнесмен, приехал в кафе на встречу с партнером по бизнесу. Через дорогу, на ступеньках Политехнического института, увидел улыбающуюся красавицу. Она по одному выпускала в небо воздушные шарики. Из всей толпы студентов Олег увидел только её, прелестную незнакомку. Он нашел способ познакомиться с чаровницей и усердно ухаживал за ней целых четыре года. Два раза в неделю приезжал в Ростов из Ремезова, чтобы сво-

дить девушку в театр или филармонию. Отрывал время от работы, добираясь за семьдесят километров, чтобы только повидать Сашу. Её холодность лишь сильнее разжигала его страсть. Олег решил, со временем она полюбит. Считал большой удачей, что они родом из одного города.

«Это знак, мы должны быть вместе. После окончания института она вернётся домой и не придется отрывать от родных. Саша не будет скучать по родителям. Достаточно сестры на маршрутку, чтобы их повидать».

Свою жизнь Олег распланировал чуть ли не до глубокой старости. Начав работать на отцовском предприятии, собирался стать директором, построить дом, завести детей и честно прожить насыщенную жизнь с любимой женой. Поначалу всё так и получилось. Он был на седьмом небе от счастья и не слушал возражений отца и доводов матери. Атанас Андроникович мечтал женить сына на дочери друга и таким способом соединить капиталы. Он отговаривал отпрыска от необдуманной женитьбы.

– Что она принесет тебе? Какую выгоду? Мать бухгалтер, отец руководит чужой стройкой. Подумай хорошо, за Медеей отец даст двадцать пять процентов акций порта. Это станет твоим стартовым капиталом.

Атанас Андроникович или три «А», как его называли за глаза, не учел семейного упрямства.

– Я люблю её и всего добьюсь сам, – упёрся наследник.

Фаина Ясоновна тоже пыталась отговорить сына. Увидев

избранницу Олега, она расстроилась. Материнское сердце почувствовало: душа этого эфемерного создания холодна к её ненаглядному мальчику. А ведь его всегда обожали женщины. До двадцати восьми лет он усердно трудился на комбинате и находил время для многочисленных подружек. Одноклассница Медея любила его со школы и верно ждала, когда Олег нагуляется и будет готов к браку. Семья девушки дружила с семьей Андриади, и они часто виделись на различных праздниках. Фаина Ясоновна в мечтах видела Медею своей невесткой. Эта девушка подходила её сыну: хозяйственная, добрая, любящая и к тому же гречанка. Фаина Ясоновна гордились своей родословной, тем, что им удалось сохранить чистоту крови. Атанас Андроникович и Фаина Ясоновна были из семей обрусевших греков из Крыма. Знакомство с Александрой стало для них огромным разочарованием. И спустя семь лет, она говорила:

– Я тебя предупреждала, сынок, толку от неё не будет.

И все-таки Олег был счастлив целых пять лет, несмотря на отсутствие детей, несмотря на холодность жены, ставшую для него неприятным открытием. Он думал, его любви хватит на двоих.

Первый раз необычный, отстраненный взгляд Саши он увидел на дне её рождения. Жене исполнилось двадцать шесть. Она принимала поздравления, натянуто улыбаясь, при этом смотрела как бы внутрь себя.

Тогда его озарило: он давно не слышал её смех, не видел

улыбки. Работа на комбинате занимало всё свободное время. Долгожданный пост директора принёс много забот. За делами не заметил, что жена отдалилась. По душам не говорили, только обменивались необходимыми фразами за завтраком и ужином. В его сердце заполз холод, червячок ревности и сомнения закопошился в душе мужчины. Присмотревшись, он заметил её отсутствующий, странный вид. За праздничным столом Саша почти не разговаривала, только смотрела на гостей неприятным, снулым взглядом.

Перемены в жене накапливались с каждым днём. Она по долгу лежала на диване с книжкой в руке, не читая её, или сидела на дачной скамейке, глядя на воду.

«Что она там видела? О чём думала?»

Олег пытался отвлечь любимую, купил путевку в Египет. Потом поехали в путешествие по Сибири. Саша ненадолго оживала, а затем снова впадала в спячку. Дела на заводе требовали его присутствия. Мощный организм Атанаса Андрониковича дал сбой и теперь всеми делами заведовал он.

Идеалом женщины для Олега являлась мать. Она никогда не ленилась встать рано утром и накормить вкусным завтраком мужа и сына. Более того придумывала разные блюда и это каждый раз являлось приятным сюрпризом. Пока её мужчины делали зарядку, плескались в душе, Фаина Ясоновна накрывала стол. Во время завтрака обсуждались планы на день. Они шутили и набирались положительных эмоций на целый день. Счастливое, весёлое лицо матери он при-

вык видеть каждый день. Фаина Ясоновна считала завтрак самым важным приемом пищи и приучила к этому мужа и сына. Она оказалась прирождённой хозяйкой: дом получился уютным, еда вкусной, а её настроение всегда замечательным. Фаина Ясоновна боготворила своих мужчин, растворялась в них, выслушивала их проблемы, заботы и переживания. К ним в дом обожали приходиться гости: она ко всем умела найти подход. Фаина Ясоновна больше всех горевала об отсутствии внуков. Своим чутким материнским сердцем давно поняла: невестка так и не полюбила её сына.

«Она просто не хочет иметь детей», – подозревала женщина.

Считала Сашу лентяйкой, не оценившей такое сокровище, как её сын. В глубине души мечтала, чтобы невестка исчезла, освободив Олега. Фаина Ясоновна грезилa внуками, они снились ей по ночам. Годы шли, но ничего не менялось. Застывший взгляд невестки, её молчание доводили женщину до белого каления. Только ради сына она терпела эту ленивую бабу. С будущим мужем Атанасом юная Фая познакомилась в международном студенческом лагере. Симпатичный темпераментный грек покори́л её раз и навсегда. Перестройка застала его в кресле регионального руководителя. Он выкупил за ваучеры большой рыбзавод под Ремезовым и подал в отставку. Атанас ничего не пускал на самотек, планировал всё. Сын пошел в отца, такой же надёжный и работающий.

«Жаль, жену выбрал порченую», — думал Атанас Андроникович. Ему, как и жене, невестка не нравилась. Он считал её пустоголовой и никчемной, даже внука не могла родить.

Олег заметив, что перемены в жене только нарастают, нанял частного сыщика.

Отчёт детектива и порадовал, и озадачил его. Кроме юрдивого художника, друга юности, и двух школьных подружек Саша больше ни с кем не поддерживала отношений. Если сначала созерцательная восторженность жены слегка утомляла его, то теперь её угрюмая апатия доводила до зубовного скрежета. Олегу стало казаться, что Саша как гусеница медленно оплетает себя паутиной и скоро скроется в кокон окончательно. Ему даже приснился кошмар: проснувшись утром, обнаружил на месте жены куколку из простыней. Даже изящная фарфоровая красота Саши стала его раздражать. Олег в последнее время не хотел возвращаться домой после работы. Уютный прежде дом не радовал, в нём не было тепла. Горечь и обида на супругу сжигали его душу.

«Ей, видите ли, скучно? А покупать дорогие наряды, трескать деликатесы и мазюкать бешеной цены кистями и красками полотна, можно! Даже не интересуется, во сколько обходится её хобби. Тоже мне, непризнанная художница нашлась! Вся её семейка использует меня, как хочет. Интересно, она знает, что её мамочка каждый месяц просит деньги на что-нибудь. Теща неутомима на выдумки. Что лично я получил от этого брака? Шиш с маслом! Ни доброго слова, ни

ласки, ни хорошего отношения от этой куклы не дождался!»

Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стала встреча с Медеей возле родительского дома. С бывшей подругой Олег не виделся лет пять. Медея попрощалась с его матерью и пошла по дорожке навстречу ему. Она поправи-лась, но это не испортило её статную фигуру. Карие глаза вспыхнули радостью при виде него. Щёки Медеи окрасил ру-мянец, яркие сочные губы растянулись в улыбке. Она пока-залась ему такой живой, родной, желанной. У Олега потеп-лело на сердце.

«Боже, каким же дураком я оказался! Вот кто составил бы моё счастье».

Рядом с ней вышагивали два серьёзных мальчугана четы-рёх и двух лет. Олег жадно вгляделся в их лица. Дети похо-дили на мать только глазами, все остальное подарил им отец.

«Они могли быть моими», – с горечью подумал он.

– Здравствуй, Андри, – певуче произнесла Медея и поце-ловала его в щёку.

Так называла его только она. Олег вновь почувствовал се-бя мальчишкой.

– Как зовут ребят?

– Старший твой тезка, а младшего – Дионис.

Мальчики, знакомясь, протянули ему руки. Олег осто-рожно пожал крохотные пальчики. Зависть острыми когот-ками заскреблась в сердце.

Саша умылась и посмотрела на себя в зеркало. В нём отразилась молодая женщина с опухшим от сна лицом, с тусклыми прядями неухоженных волос и неопределенным цветом глаз. Саша раздвинула губы, имитируя улыбку, на щеках прорезались ямочки, как изюминки на сдобной булочке. Оглядев квартиру, со вздохом принялась вытирать пыль. К двум часам дня наведя порядок, решила съездить в мастерскую к Никите. Он остался единственным человеком, кого ей хотелось видеть.

Художник встретил её радостно.

– Кручина, молодец, что приехала. Пойдем, покажу, что я привез из Карелии.

Никита провел её по трём небольшим залам картинной галереи в свою мастерскую.

«Он похудел. Опять не питался нормально», – подумала Александра, оглядывая высокую, щуплую фигуру друга. Никита, работая, забывал обо всём, закончив серию полотен, набрасывался на еду, как голодный зверь.

– Я покажу тебе семь картин, что написал в одной чудесной деревеньке. Ты мне расскажешь своё впечатление от них. Хорошо?

Он повернулся к ней. Узкое, худое лицо с маленькой чёрной бородой и усами, подчеркивающими красивый рисунок губ, дрогнуло.

«Он волнуется! – удивилась Саша. – Чудно. Всегда ведь спокойно относился к критике».

Голубые глаза Никиты смотрели на неё странным взглядом.

– Ты погляди, а я пойду, перекушу. Для тебя тоже приготавлию пару бутербродов. Потом попьем чайку и поговорим.

Вдоль стены в ряд выстроились мольберты. Саша подошла к первому. На холсте была изображена береза на берегу озера. Её нежные кружевные ветви, подсвеченные солнцем, колыхались на лёгком ветру. Отражение дерева в озере чуть искажалось, и ей показалось, что из воды кто-то смотрит. Саша вздрогнула от пронзительного взгляда и присмотрелась внимательнее. Ветви березы, ломаными линиями отражаясь в озере, создали прекрасное лицо женщины.

Подошёл Никита и встал позади.

– Ты встречал эту девушку или увидел в озере?

Картина очаровывала.

– Я надеялся, что ты увидишь мою незнакомку. Её никто не видит, пока не покажу, буквально не ткну пальцем. Писал березу, а когда закончил, заметил отражение в воде. Такое чудо произошло.

Саша посмотрела на растерянное лицо друга и перешла к другому полотну.

Опушка леса. На пеньке сидит девочка – подросток. Корзинка с грибами стоит у ног. Яркая весёлая лужайка. Порхают бабочки, дует ветерок. Головки цветов чуть наклони-

лись под его порывами и трепещут лепестками. Солнце перевалило за полдень. Тень девочки лежит на три часа. У неё милое нежное лицо с пухлыми губами. Глаза чуть прикрыты. Она устала и присела отдохнуть. Её подростковая угловатость скоро сменится очаровательной женственностью. Уже сейчас видно: она будет прелестной женщиной. Но почему-то от картины веет страхом и болью.

Саша поёжилась.

За спиной девочки тёмный еловый лес. Он разделил рисунок на две неравные части. Среди ветвей она вдруг рассмотрела жуткие лица монстров, искаженные злобой и ненавистью.

– Этих уродов ты тоже нечаянно нарисовал?

– Не веришь? Но это так. Я писал опушку леса и представлял сидящую на пенёчке соседскую девочку. Всё остальное обнаружилось после. Пока трудился, не видел ничего странного, а вот потом... Смотри дальше.

На третьем полотне, совершенно безобидном на первый взгляд, изображался кусочек болота с цветущим кустиком голубики. Несколько болотных кочек, лежащий в тине полусгнивший ствол березы, упавшие в воду листья. И как удар в сердце, глядящее прямо в глаза лицо утопленницы.

– Боже! – отшатнулась Саша.

– Я сделал набросок этого женского лица отдельно и показал хозяйке, у которой снимал комнату. Она узнала в нём свою подругу, пропавшую в болоте тридцать лет назад.

Спросила, как я мог нарисовать человека, если его давно нет в живых. Пришлось соврать, что похожая девушка живёт в городе.

Саша перевела взгляд на следующую картину.

Высокий утёс. Где-то внизу лес. Небо пронзительной синевы с похожими на клочки ваты облаками. Напротив утёса, на фоне неба, летит орел, рассекая мощными крыльями поток воздуха. И снова ощущение взгляда, но на этот раз доброго, спокойного, отеческого. Сквозь облака проступило лицо мудрого старца с белой бородой и тёмно-синими глазами. Он с любовью смотрит с полотна. От этого взгляда у Саши на глаза навернулись слезы. Старец словно понял её боль, которую она сама ещё не осознавала, и утешал.

– Никита, как же ты смог это нарисовать? – Саша вытерла глаза, шмыгнула носом.

– Все, кто смотрел на эту картину, не видели старика, но чувствовали. Плачут многие. Видимо, накопилось в душе у каждого.

На другом холсте обычная деревенская улица. Разбитая дорога. Бурьян, растущий на обочине. Покосившийся деревянный забор у старенького дома. Рядом с калиткой лавочка, сделанная грубо, из целого бревна. Две курицы копошатся в пыли. Зной. Поникли листья лопухов и головки ромашек. И уже привычный, на этот раз глумливый взгляд. Среди лопухов притаился маленький старичок в лихо заломленной полотняной шапочке. Он держится за стебель растения

и осматривает улицу.

– Это домовой? – поинтересовалась Саша.

– Понятия не имею. Ты сразу разглядела, а я только тут в мастерской заметил. Пил чай у окна и писал дом через дорогу. Просто так.

Она прошла дальше. Что ещё за чудо предстоит увидеть?

Комната в деревенском доме. Русская печь, украшенная цветными изразцами. Стол, накрытый тёмно-вишневой скатертью. Вокруг него стулья с округлыми спинками. Горка с глиняной посудой. На печи, свесив лапу, лежит рыжий кот. За ним из полумрака выглядывает, улыбаясь во весь рот, молодой домовёнок. От картины веет покоем и домашним уютом. Так и кажется: в печи стоит чугунок с наваристым борщом, в кувшине томится молоко. В комнату вот-вот зайдет хозяйка и позовет всех к столу.

– Ты ничего не рисовал специально? А когда рассмотрел этих существ?

– Одних сразу. Других только сегодня, когда расставлял в мастерской. Мне никогда не писалось так легко. На одном дыхании. Я ездил в Карелию с друзьями: Володей и Николаем. Они тоже привезли картины. Скажу одно: каждый из нас создал лучшее в своём жанре.

– Не знаю насчет Володи и Коли, но твои полотна, действительно, прекрасны. Они завораживают не только таинственностью, но и красками. Это живой кусочек мира, каждый со своей загадкой. Можно, я побуду возле них.

– Да ради бога. Смотри, сколько хочешь. У меня для тебя есть сюрприз. – Художник вышел из студии.

Вернувшись через полчаса, застал Сашу возле холста с парящим орлом. Она плакала.

– Кручина, в чем причина? – смущённо скаламбурил он.

Она промокнула глаза платком.

– А ты не дразнись.

– Я уже говорил, что ты первая по-настоящему увидела картины, другим пришлось показывать. Но все, даже не видя странностей, долго не могли отойти от них. Мы решили организовать выставку под общим названием «Карельские мотивы».

– Ты талант, Ники. И доказал это на деле. Я ещё в школе говорила: ты настоящий художник. Тебе заказывают портреты, просят написать любимые пейзажи. Но теперь... – Она обвела рукой живописные полотна. – Просто нет слов!

– Сашка, ты улыбаешься! Как я соскучился по твоей улыбке. Тебя будто околдовала злая колдунья. Внутри словно выключили свет. С каждым годом он делался все слабее и слабее. Мне больно смотреть на тебя. Куда исчезла прежняя Саша?

– Выросла и стала Александрой Сергеевной. – Она обвела взглядом студию. – Подожди, ты сказал семь картин, а здесь шесть...

– Это и есть мой сюрприз. Я хочу подарить её тебе. – Никита поставил на мольберт принесенный холст и жестом фо-

кусника сдернул с него белое покрывало.

В светлой комнате на кровати спит молодая женщина, положив обе ладони под голову. Лёгкая шелковая простынь не скрывает женственных очертаний фигуры. На подоконнике открытого настежь окна стоит ваза с белыми тюльпанами. На прикроватной тумбочке в высоком, прозрачном стакане веточка голубых колокольчиков. У изголовья кровати, на стене висит горшок с пышной традесканцией, длинные плети растения свесились почти до подушки.

Саша ахнула. К спящей незнакомке склонился ангел. Сложенные за спиной крылья, чётко вырисовываются между листьев традесканции. Его лицо выражает огромную любовь и печаль. Руки нежно касаются головы женщины.

– Ты хочешь подарить её мне? – прошептала Саша. – Слишком щедрый подарок.

– Она тебе никого не напоминает? – удивился Никита.

– Отдалённо, – смутилась Саша.

– Такой я видел её несколько лет назад, но не теряю надежды увидеть снова.

– Это я, – наконец признала она своё лицо на полотне и добавила: – когда-то была такой.

Никита упаковал картину.

– Хочу увидеть тебя счастливой. Верю, что сотворил нечто чудесное. Она поможет тебе вновь обрести себя.

Саша поцеловала друга в щёку.

– Спасибо, Ники. Это самый лучший подарок! Мне пора

домой.

Она перешла через дорогу и помахала стоящему на ступеньках студии художнику.

Никита помахал в ответ. Саша никогда не узнает о его любви. Он знал, как светится эта девушка, когда любит по-настоящему. Свет этот вызывал, к сожалению, не он, но готов всё отдать, чтобы вернуть снова сияние её души.

Дома Александра повесила полотно в изголовье кровати. Вошедший вечером в спальню Олег, увидев картину, спросил:

– Ездила к своему мазиле? Его подарок?

Саша кивнула.

– Точно к спальне подходит. Одна баба спит на кровати, другая спит под картиной на кровати... Очень символично... Две сони.

Он был ещё под впечатлением встречи с Медеей и её сыновьями и еле сдерживался, чтобы не наорать на жену, пригласившую в спальню эту фигню.

– Посмотри внимательно. Кто ещё изображен на холсте, кроме женщины? – с напряжением в голосе поинтересовалась Саша.

– Кроме спящей тетки никого (он не узнал лицо жены). Куча цветов живых и срезанных.

– И всё! – она не сумела скрыть разочарование.

– Всё! Извини, я человек грубый и не уловил идею твоего горе-художника. Концепцию... полутона, – хмыкнул муж. –

Я устал и хочу спать.

ГЛАВА 3

Звонок раздался в субботу.

– Кручина, привет! – в трубке телефона звучал подзабытый командный голос Марины бывшей старосты класса. – Наш классный руководитель Ирина Ивановна уходит из школы. Мы были её последним выпуском. Она приглашает всех к себе домой. Передай, пожалуйста, своим подружкам Римме и Элине, что она ждёт нас в восемь вечера тридцатого октября.

Саша положила трубку. Школа. Класс... Воспоминание о её первой и единственной любви отдалось в душе царапающей болью. Чувство, запертое и спрятанное в дальний уголок памяти тринадцать лет назад, проснулось. Саша медленно поднялась с дивана, как робот надела туфли. Вышла на улицу. На дороге её чуть не сбила машина, но она даже не заметила этого. Саша прошагала три километра до родительского дома, забыв про маршрутные такси. Очнулась только у запертой двери. Нажала на кнопку звонка. Тишина. Вспомнила, что родители хранят запасной ключ в электрощитке возле лестницы. Открыла дверь. В её комнате ничего не изменилось. Фотоальбом лежал в тумбочке на нижней полке. Она прижала его к груди. Медленно обошла квартиру. Родители недавно сделали ремонт, и теперь вся обстановка, кро-

ме её комнаты, была незнакомой.

«Узнаю мамин вкус, – усмехнулась она. – Минимализм, чёрное и белое. Металл и пластик».

Закрыла входную дверь. Ключ вернула на место.

«Хорошо, что родители на даче», – подумала Саша. Ей никого не хотелось видеть.

Обратный путь занял меньше времени: Она наконец вспомнила о такси.

Приняла душ, переоделась в ночную сорочку. Включила настенное бра и дрожащими руками открыла школьный альбом. Тринадцать лет она не прикасалась к нему, опасаясь той боли, которая может проснуться в ней при виде нескольких фото.

«Я не буду спешить, впереди целая ночь. Олег не вернется с дачи до вечера воскресенья, – улыбнулась Саша. – Все вдруг заделались дачниками».

Подложив под спину подушку, уселась в кровати удобнее и перевернула первый лист альбома.

Она первоклашка. А это второй, третий класс. Какие они были смешные. У Риммы белые банты больше её головы. А на ногах Элины модные сапоги на каблучке, которые смешно смотрятся на маленькой девочке. Одноклассник Самсон мечтательно смотрит поверх голов друзей куда-то вдаль.

Четвёртый класс – появились первые стильные стрижки у мальчиков. Римма уже без косичек. На голове Элины пред-

мет зависти девочек шикарный ободок со стразами Сваровски.

Шестой класс. Сердце дало сбой. Саша знала, что будет больно, но это оказалось сильнее, чем она думала. Тысячи дней не позволяла себе вспоминать, загнала в самую глубину памяти, присыпала мусором ежедневности и суеты, притворилась непомнящей.

С фото на неё серьёзно смотрел Ваня Стасов. Стас, как звали его в классе. Много лет Саша прятала свою школьную любовь даже от самой себя.

Ничего не было! Всё прошло. Я сделала правильный выбор. Твердила она, как заклинание, много лет подряд. И почти убедила себя, почти забыла, но стоило открыть альбом, и прошлое проснулось и обожгло нестерпимой душевной болью. Кажется, не только душевной. Сердце кололо. Александра накала в стакан валокордин. Выпила. Посидела, закрыв глаза. Рука перевернула следующую страницу.

Седьмой класс – ей тринадцать лет, Иван старше на год. Он неловко сунул в её портфель валентинку. Саша носила открытку на груди, пока она не превратилась в кусочки бумаги. Им достаточно взглядов, встречаясь глазами, оба краснеют до макового цвета. На уроке физкультуры Стасов старается играть с ней в одной команде. Саша понимает, что влюблена и воображает себя Джульеттой, а его Ромео.

Первое потрясение. Она с Риммой и Элиной вышла из школы. Не успели девочки завернуть за угол, как услышали

мат и шум драки. Римма, обожавшая разборки мальчишек, потянула подруг за собой. В кругу подростков стоял Стасов и Самсон (крепкий коренастый армянин). Матерился Иван. От его грязных слов у Саши заалели уши, её будто облили грязью. Ромео выражался хуже грузчика. Самсон коротко и резко ударил Стасова в лицо и... промахнулся. После она узнала, Ваня прошел уличную школу и мог дать сто очков вперёд увальню Самсону. Ответный удар Стасова разбил нос Долидяну. На этом драка прекратилась. Самсон покинул место боя, прижимая носовой платок к лицу. Иван обернулся и увидел одноклассниц. Досада отразилась на его лице. Потрясённая и разочарованная Саша на следующий день старалась не встречаться с ним взглядом. Продержалась целых два месяца. Однажды после школы Стасов подстерёг её без подруг.

– Девочки не должны смотреть на мужские разборки.

– Драки-мерзость! – с яростью заявила она и посмотрела ему в лицо. Это была ошибка. Саша утонула в тёплом взгляде его карих глаз. Сердце застучало, как сумасшедшее.

– Нельзя иначе. Кое-что можно доказать только кулаками. По-другому никак, – баском произнес Иван. Его голос ломался и иногда «давал петуха».

– Но ведь мы не дикари. Проблемы можно разрешать словами.

– Нет, Саша, не все, – её имя из его уст прозвучало, как музыка. – Давай-ка сумку, я провожу тебя.

Они разговаривали, дорога домой обоим показалась короткой. Отдавая портфель, коснулся её руки.

– До завтра, – тихо произнёс он.

– До завтра, – повторила Саша, заморожено глядя на его губы и подбородок с ямочкой.

Ещё фото. Восьмой класс. Ей четырнадцать. Стасов выше Александры на голову. Он вытянулся за лето, возмужал, загорел, окреп. На её вопрос, где отдыхал? Усмехнулся:

– На поле у арендаторов.

– Ты работал всё лето?

– Я взрослый. Стыдно сидеть на шее у родителей.

Она уважительно посмотрела на него. Сама же Саша проскучала целое лето. Родители отправили её в деревню к больной бабушке на три месяца. Она не знала тогда, что таким образом они хотели избавить дочь от влияния мальчика из плохой семьи. Умные родители ничего не сказали ей, использовали старую уловку с болезнью старушки. По их плану к осени бабушка выздоравливала. Саша узнала об этом спустя два года и поразилась коварству родных.

Они видятся в классе. Саша идет на золотую медаль. Стасов учится на твёрдую четвёрку. По вечерам встречаются редко: Ваня работает. Она уважает его позицию, самостоятельность. Но так хочется с ним гулять вечерами по улицам, ходить в кино. Он обращается с ней, как с фарфоровой куклой, а Саша мечтает о поцелуе. Весной мечта сбывается. В один из редких свободных вечеров Иван впервые поцеловал

её. В парке от ветра шумела молодая листва, но Саше, показалось, что стук их сердец заглушал этот звук. Пальцы Стасова дрожали, гладили её лицо, дотрагивались до ямочек на щеках. Губы шептали безостановочно: «Милая, милая».

Потом они целовались на лавочке в парке, у подъезда её дома.

На следующий день их класс поехал в Ростов: для выставки в художественную галерею города из Эрмитажа привезли картины. Учительница рисования с восторгом рассказывала о каждом живописном полотне. Саша и Стасов не слышали её, не видели ничего вокруг. Они не могли оторвать взгляд друг от друга. После экскурсии отправились в парк и целовались до одурения. Александра вернулась домой с распухшими губами. Опустив глаза, сумела прикрыть шальной взгляд от возмущённой родительницы.

– Где ты шлялась! – заорала на неё мать. Её всегда гладко зачёсанные тёмные волосы растрепались. Белоснежная блузка вылезла из строгой юбки.

«Действительно, переживает, – поняла Саша. – Мама – образец порядка и собранности и вдруг лохматая причёска».

Саша сморщилась от крика. Душой она находилась всё ещё там, на весенней улице с любимым.

– Ты что не понимаешь! Я волновалась. Звонила родителям Риммы и Элины. Твои подруги давно уже дома!

– Мама, извини, но ведь завтра выходной. До вечера ещё далеко. Мы немного погуляли с Ваней по городу.

– Я чуть с ума не сошла. Представляла все ужасы, которые могли случиться с глупой девчонкой. Ты что пьяная? – вдруг насторожилась она, разглядев блаженную улыбку дочери.

– Мам! – возмутилась Саша. – Конечно, нет! Я пойду в свою комнату.

Весь девятый класс они встречались урывками. Иногда Саша оставалась в школе, чтобы помочь Ивану с учёбой. Случалось так, что он засыпал прямо на уроке и весь класс хохотал, когда сердитый учитель будил парня приговаривая: «Меньше надо сидеть за компьютерными играми, а больше за учебниками».

Саша не смеялась. Жалела его до слёз, но боялась показать это. Ваня не переносил, когда сочувствовали. В этом она убеждалась не раз. Стасов засыпал от усталости, иногда ему приходилось работать до поздней ночи.

Она узнала, что наравне с взрослыми мужчинами он трудится на стройке. Стасов с гордостью рассказывал, что из подсобного рабочего стал полноправным членом бригады. Научился почти всем строительным работам: штукатурить, шпатлевать, клеить обои, красить, класть блок и кирпич. Он выглядел старше своих пятнадцати лет: физически развитый, и как подозревала Саша, более чем она, искушен в жизни.

Всё лето после девятого класса они снова не виделись. Её опять отправили к бабушке в деревню. Байкам о болезни старушки Саша больше не верила. Сделала вид, что ра-

да отправиться за город, потому что Ваня тоже уезжал на заработки. Он звонил каждый день, Саша жила этими звонками. Утешалась тем, что может принести пользу семье и хоть немного отвлечь себя от мыслей о Стасове. Делала с бабушкой заготовки на зиму, усердно трудилась в огороде. В свободное время загорала с книжкой в саду, купалась в речке и почти не жалела о пляже на море. Телефонный звонок от Ивана звучал для неё божественной музыкой. Она тосковала, считая дни до встречи. По телефону, не видя лиц друг друга, они становились откровеннее. Обычно сдержанный Иван признавался: Саша снится ему ночами.

Она вернулась домой двадцать восьмого августа, еле дождалась вечера. В парк пришла на двадцать минут раньше назначенного времени, но Ваня уже сидел на скамейке. Он поднялся ей на встречу, высокий, широкоплечий, загорелый до черноты и какой-то незнакомый. Саша смутилась и почувствовала себя неловко. Стасов тоже замешкался, не зная, куда деть большие руки с грубыми мозолями. Молча смотрели друг на друга. Саша заметила пушистые усики у него над верхней губой, огрубевшую кожу на скулах, обветренные губы и подумала: «Он стал взрослым».

В июне Ивану исполнилось шестнадцать лет. Он шутил, что если не поступит в институт, то сразу после школы загремит в армию.

– Ты изменилась, – наконец он смог произнести первые слова. Голос его больше не ломался, звучал мягким барито-

ном, от этого звука её душа встрепенулась и ожила.

– Разве? – ей казалось: она осталась прежней.

Иван осторожно дотронулся до её волос.

– Да. Ты стала ещё красивее.

Саша шагнула ближе, она едва доставала ему макушкой до подбородка. Иван провёл щекой по её волосам и вдохнул их сухой, травяной запах. Потом долгие годы она не могла прогнать это воспоминание: стук его сердца у своего горла, и теплые ладони на спине. На несколько секунд они стали одним целым, показалось, что у них общая кровеносная система. Стасов увлёк её на лавочку. После долгой разлуки не могли наговориться. После бродили по берегу моря и ели мороженое. Расставаться не хотелось.

Ещё одна фотография из альбома.

Поездка с классом на зимних каникулах в Москву. Тогда в десятом классе она впервые испытала жгучую ревность, от которой болело сердце, а голова пылала огнём. Это была обычная туристическая программа: Красная площадь, Третьяковская галерея, Большой театр, обзорная экскурсия по городу. На второй день поездки Саша слегла с температурой и не смогла поехать с одноклассниками на экскурсию. Она лежала в гостиничном номере одна и досадовала: сама настояла, чтобы Иван присутствовал на экскурсии. Саша прекрасно понимала: учительница не одобрит нахождение Стасова в номере наедине с ней. Вечером подруги Элина и Рим-

ма показывали снимки, снятые во время поездки. Сначала Саша с удовольствием разглядывала фото, пока не заметила: Римма везде стоит рядом с Ваней. Она-то смеялась, глядя ему в лицо, то обнимала за талию. А на одном снимке подружка целовала его в щёку, а он улыбался счастливой улыбкой.

«Вот значит как, стоило заболеть, и он сразу нашёл с кем развлечься! Римма тоже хороша! Липнет, как банный лист», – негодовала обиженная Саша, не замечая лукавой улыбки подружки, оценившей её реакцию. Саша насупилась, сообщила одноклассникам, что у неё разболелась голова. Отвернувшись к стене, кусала губы, чтобы не расплакаться. Одноклассницы молча переглянулись, Римма показала Элине большой палец. На следующий день Саше стало лучше, температура спала, но учительница решила перестраховаться и снова оставила её в номере одну. Ожидая возвращения подруг с экскурсии, ревнивица сходила с ума от неизвестности. Она не представляла, что это такая страшная пытка. Уговаривала себя, поцелуй в щёку дружеский, что она прекрасно знает Римму – ничего не помогало. Зеленоглазое чудовище по имени Ревность съедало её живьем. Казалось, она горит на медленном огне. Ужин принесли в комнату. Саша уже два дня не видела Стасова. Ей не хотелось есть, она отодвинула от себя поднос и еле сдерживалась, чтобы не накричать на смеющихся подруг. А они делились впечатлениями, фамилия Ивана то и дело всплывала в их разговоре.

– Стасов очень сильный, – говорила Римма. – Там такие

скользкие ступеньки, но Ванечка легко перенёс меня через них.

– Точно, – вторила ей Элина. – Кручинина, видела бы ты, какую тяжёлую сумку с книгами учительницы он носил весь день.

Саше хотелось спросить: вспоминал ли о ней? Она сжимала зубы так, что заболели скулы, но упрямо молчала.

«Ну, погоди, – думала Саша мстительно. – Я сделаю тебе так больно, как теперь больно мне. Почему не приходишь провести вечером? Не хочешь видеть? Почему?»

Утром учительница убедилась, что она пошла на поправку, позволила поехать с классом в музей. Саша сидела в автобусе, когда в него вбежали Стасов и Долидян. Иван радостно поприветствовал её. Обиженная Саша отвернулась.

Она выходила из «Икаруса», остановившегося у музея, последней. Заметив, что Ваня проталкивается к ней, измученная ревностью девушка, схватила первого попавшегося под руку одноклассника, к сожалению, им оказался Рем Корнеев. Он пытался ухаживать за ней с восьмого класса.

– Рем, здесь так скользко, ты поддержишь меня?

Корнеев, слегка опешив от внимания Саши к нему, обрадованно воскликнул:

– Да без проблем. Прошу, мадам. – И галантно взял её под руку.

Стасов сумел-таки пробраться к ней.

– Я помогу.

– Нет, – твердо сказала Саша. Её захлестывало желание мстить. – Пусть это сделает Рем. – И как сумела ласково улыбнулась Корнееву.

Весь день до вечера она была рядом с Ремом, зорко наблюдая за реакцией Стасова. Тот порадовал её хмурым видом. Смотрел на Сашу потемневшими от обиды глазами. Римма несколько раз пыталась со смехом обратиться к нему. Иван зло глянул на неё и что-то коротко сказал, отчего та вспыхнула и сильно покраснела.

Вечером в планетарии, пока не выключили свет, Иван подошел к Корнееву, сидящему рядом с Сашей. Тонм приказа сказал однокласснику:

– Рем, пересядь на другое место. Не заставляй меня применять силу.

Саша не успела ничего возразить. Корнеев поспешно удалился. Выключился свет. Она затаила дыхание и всё равно не уловила движения. Возле самого уха, обдав горячим дыханием, слышался шепот Стасова.

– Объясни, что случилось? Пожалуйста, – его голос чуть дрогнул.

Саша, собиравшаяся его мучить дальше, не выдержала:

– Думаешь, приятно смотреть на фото, где тебя целует Римма. И на руках её носил, и на фото везде рядом с ней.

– Так и знал, что твоя закадычная подружка что-то задумала. Лично я никого не целовал и не обнимал, тем более эту липучку. Мне никто кроме тебя не нужен.

- Правда? – задыхающимся голосом произнесла Саша.
- Маленькая моя, ты, что же приревновала?
- Да. И хотела сделать тебе так же больно, как ты мне.
- Прекратите шептаться, – раздался грозный окрик учительницы.

Они замолчали. Ваня отыскал её руку в темноте и держал весь сеанс. Счастье снова улыбалось им. После двух дней кошмара, когда Саша находилась на грани нервного срыва, пришло успокоение. Над их головами проплывали по небосводу планеты, пролетали кометы, вспыхивали новые звезды, менялись солнечные системы.

Она запомнила, то ночное небо в вышине, огромные звезды, сверкающие, как алмазы, безграничную радость и руку Стасова, словно мостик между ними.

С тех пор ночь её любимое время суток.

Ещё одна фотография. Окончен десятый класс. Очередной летний отъезд Ивана на заработки. Они сидят на лавочке. Элина сфотографировала их.

«Какое оказывается у неё несчастное лицо. У Стасова закушена губа, но он спокойно смотрит в камеру».

Саша вздохнула. Прежние чувства нахлынули, разрывая душу, но сделали её живой. Вот оно! Она давно не чувствовала себя живой. Без Ивана она не жила, а тлела.

Перед отъездом Стасова на заработки попросила его на этот раз не уезжать так надолго. Очень не хотелось снова рас-

ставаться. Выслушав, он грустно сказал:

– Неужели ты думаешь, мне нравится жить без тебя. Не хочется, но нужно. Лето – пора больших заработков, я смогу обеспечить себя на полгода.

– Пусть родители обеспечивают – это их обязанность, – разозлилась Саша.

Его лицо стало замкнутым и холодным, как всегда, если речь заходила о его родителях. Все её попытки, что-либо узнать о родных Стасова, оканчивались неудачей. Он не хотел говорить о них. И на этот раз, помолчав с минуту, тихо произнёс:

– Поверь, я никогда не покидал тебя без причины. Мне нужно работать. Родители не могут содержать меня. И хватит об этом!

Она впервые увидела жёсткое выражение на его лице. Иван всегда смотрел с нежностью, от которой таяло её сердце. Сейчас же ощутила странный холодок.

– Ты должна немного потерпеть. Наступит время, и мы всегда будем вместе. Окончим школу. Ты поедешь учиться, я уйду служить. После армии обязательно постараюсь поступить в Политехнический институт на заочное отделение. Буду заниматься и работать. Как только заработаю на первый взнос, куплю квартиру. Тогда сможем пожениться, и больше никто не разлучит нас.

– Ты говоришь так, будто всё давно обдумал, – буркнула Саша. Хотя ей было очень приятно, что он не мыслил жизни

без неё.

– Весь последний год я размышлял и мечтал, – Ваня улыбнулся. – Мечты, знаешь ли, здорово подстегивают к действиям. Все это я хотел сказать тебе только после окончания школы, но ты очень нетерпеливая. Согласна с моими планами на ближайшие пять лет?

– В целом. Только ты забыл кое-что сделать.

Саша опустила глаза и стала чертить острием деревянной палочки на песке.

– Может, и забыл. Напомни.

– Когда молодой человек собирается, пусть даже в будущем жениться. – Тут она фыркнула: любой разговор о семейной жизни в шестнадцать лет, смешил. – Сначала признается девушке в своих чувствах. А ты говоришь, как калькулятор.

– О, новое слово в технике – говорящий калькулятор, – засмеялся Иван. – А если серьёзно. Очень нужно признание? Разве сама не понимаешь, что я чувствую к тебе?

Саша покраснела, но глаза подняла.

– Догадываюсь, но хотелось бы знать наверняка.

– Мне почему-то трудно произнести эти слова. Кажется, до тебя никого, кроме младшего брата не любил, но это совсем другое. Вот послушай.

Он взял её руку и приложил к своему сердцу.

– Оно бьётся для тебя. Я сразу понял: ты моя половинка.

– Так уж и сразу. Седьмой класс!

– Да, именно. Значит, не забыла – седьмой класс. Ты улыб-

нулась мне, на щеках появились ямочки, и я пропал. С тех пор прошло четыре года, а мне по-прежнему больно от твоей улыбки.

– Почему больно?

Саша лукаво посмотрела на него и осеклась.

Лицо Стасова стало грустным.

– Мне всё время кажется, что потеряю тебя. Что не заслужил такого счастья.

– Тоже мне счастье, – посерьёзнела она. – Относись ко мне проще. Я обычная девчонка, не глупая, но и не сильно умная, не добрая, но и не злая.

– Не говори так. Рядом с тобой всё по-другому. Листва зеленее, солнце ярче, жизнь лучше. До встречи с тобой думал: судьба ко мне не справедлива. Кому-то отмеряет полной ложкой, а кому-то дает сухую корку. Теперь знаю, это не так.

Запретная тема о его семье возбуждала её любопытство.

– Ты сказал: любил только брата, а родителей?

– О родителях не спрашивай, пожалуйста! Хватит с меня и того, что их не выбирают. Ромку, младшего братишку, я очень люблю и всегда буду о нём заботиться.

Александра смахнула набежавшие слезы. Альбом с фотографиями положила на кровать. На кухне налила полный стакан воды и залпом выпила.

«Где сейчас Стасов? Женился? Есть ли дети?»

Зеркало отразило опухшие от слёз, воспалённые глаза

тридцатилетней женщины. Вернулась в спальню. Дрожащей рукой перевернула следующий лист фотоальбома.

Одиннадцатый класс.

Они встретились осенью. Первого сентября. Стасову исполнилось семнадцать, ей на год меньше. Обнимая его, обнаружила, что еле достаёт макушкой до плеча.

– Ты ещё вырос! – возмутилась она. – Это не честно!

– А кто говорит о честности. Ничего наденешь туфли на каблуке – будешь снова до подбородка. – Иван посмотрел на её обувь. На Саше были лодочки на плоской подошве.

Она провела ладонью по его щеке.

– Ты уже бреешься, – вздохнула Саша.

– Ты тоже хочешь? – засмеялся он.

Саша толкнула его кулаком в плечо и охнула: ударила, словно в каменную стену. Стасов поцеловал её сжатые пальцы.

Следующее фото. Они на школьном вечере. Иван с видом собственника обнимает её за плечи. Тогда произошла их вторая размолвка.

После дискотеки Римма пригласила к себе домой на часок её с Ваней, Элину с Кимом и Самсона.

– Ребята, только десять часов. Мои предки уехали к бабуле. У меня есть новые записи. Попьем кофе, послушаем музыку.

Они шли по ярко освещённым улицам, делились планами на будущее. Петрова жила недалеко от школы. Поднялись в её квартиру, стараясь на лестнице громко не смеяться. Римма принесла из кухни торт, чай, включила музыку. С загадочным видом вытащила из шкафа бутылку martinis.

– По капельке для настроения, – предложила она.

Элина и Ким протянули кружки, Саша подставила свою. В этот момент Стасов аккуратно забрал у неё чашку и, поднимаясь, сказал:

– Ни она, ни я пить не будем. Половина одиннадцатого пора по домам.

Римма засмеялась:

– Стас, ты чего! По капельке, время детское.

Саша снова подставила кружку.

– Останемся. Мне ещё не хочется домой.

Петрова не успела плеснуть в неё martinis, как Иван толкнул чашку. Она упала на стол и разбилась.

– Что ты наделал – это же настоящий китайский фарфор восемнадцатого века. Меня мать убьет, – закричала Римма.

Саша посмотрела на Ивана. Его лицо выглядело отстранённым и чужим. Он молча взял её за руку и потащил из комнаты.

– Стасов, мне больно, – пожаловалась она, пытаясь вытащить из его крепко сжатых пальцев свою руку.

Он ослабил хватку, но не отпустил.

– Одевайся. Провожу домой, – голос Ивана снова звучал

мягко.

– Не командуй. Я останусь у Риммы, – рассердилась Саша, поглаживая кисть руки.

Он молча нагнулся и надел ей на ноги туфли.

– Пить больше не будешь и вернешься домой ровно в одиннадцать, – сдержанно произнёс Стасов.

Так терпеливо говорят неразумному ребенку. Поняв это, она вспыхнула:

– А кто меня остановит?

– Я. Если нужно, понесу на руках, но обещание, данное твоему отцу, выполняю, – буркнул Стасов.

– Какое обещание? – удивилась Саша, прекратив препираться.

– Никакое.

Иван открыл дверь и вывел её на лестничную площадку.

– Нет уж, сказал А, говори Б, – потребовала она.

– Твой папа попросил меня приводить его любимую дочь в целостности и сохранности в одиннадцать часов. Вот и выяснили. Теперь идём.

– Когда это папа разговаривал с тобой?

– Три года назад.

Он не сказал ей, что Сергей Данилович пообещал открыть ему кое-что, если хоть один волосок упадет с головы дочери. Взял с него слово: в одиннадцать вечера Саша должна быть дома. Тут Иван был с ним солидарен. Будь он взрослым мужчиной и имел дочь, точно также поговорил бы с её

парнем. Ване понравился отец девушки. Сергей Данилович выглядел добродушным увальнем, внешне сильно смахивал на Хрущева, но в нём чувствовался характер.

– Значит, выполняешь приказы? Отец не имел право вмешиваться в мою личную жизнь, – обидчиво прошептала Саша.

– Имел. Он волнуется. Хорошо, когда кто-то переживает за тебя.

– Иногда ты говоришь и размышляешь, как старик. А главное ты опозорил меня перед друзьями.

– А ты должна соображать, что делаешь. Ведёшь себя, как капризная барышня.

До самого дома шли молча. У подъезда Саша не позволила себя поцеловать. В квартиру вошла, пылая праведным гневом.

На следующий день Стасов в школе не появился. Римма прожужжала все уши.

– Стас невоспитанный хам. Тебе не кажется, что ты слишком много ему позволяешь? И вообще, как ты могла столько лет дружить с ним. Он общается с уличной шпаной и бандитами с городских окраин.

Телефон молчал. Ему она не звонила из принципа. Звонки раздались лишь вечером.

– Привет, малышка, остыла? Больше не дуешься?

– Дуюсь, – хмыкнула Саша, представив себя большим воздушным шаром. Слова подружки ядом сочились с кончика

языка, она еле сдерживалась, чтобы не упрекнуть его.

– У тебя три дня на обиду, а потом хочу видеть твою замечательную улыбку. – Он хрипло закашлялся.

– Ты заболел? Я приеду к тебе завтра?

– Нет. Это грипп. Ты можешь заразиться. Я позвоню.

Они помирились, и каждый вечер подолгу беседовали по телефону. Саша не сразу сообразила, что не знает, где живет её парень.

В школу он пришёл только через неделю. Синяк на его скуле стал желтым. На подбородке остался след от шва. Двигался Стасов осторожно, будто каждое движение причиняло боль.

– Что я говорила тебе. Он в уличной банде. Разборки и поножовщина в их среде обычное дело, – ехидничала Римма.

– Что произошло? – спросила Саша с жалостью, глядя на него. Ей было страшно.

– Обычный мужской разговор пошёл немного не так, как планировался, – пошутил Стасов, невольно подтверждая слова Петровой.

– Зачем ты вмешиваешься? А если тебя убьют? – досадовала она.

– Малыш. Не бери в голову. Ладно. Давай забудем.

– Нет. Не забудем. Ты хулиган?

Он хрипло засмеялся и со стоном схватился за грудь.

– Не хулиган, успокойся, – хмыкнул Иван. – Ей богу уморила!

Весь тот год походил на лоскутное одеяло. За спокойными радостными днями, шли тёмные, сумрачные и тревожные. Иван появлялся в школе взвинченный, не выспавшийся, с красными глазами и бледным лицом. На её расспросы отмалчивался или говорил, что разберется сам.

В один из дней гуляя по парку, Саша увидела юношу за мольбертом. Она уже встречала его раньше, замечала, что он наблюдает за ней. Теперь же незнакомец кивнул, как старой знакомой. Саша отвернулась. Стасов был занят, домой идти не хотелось. Она села на скамейку и задумалась.

Во втором классе Александра увлеклась рисованием, упростила отца записать её в художественную школу. С удовольствием занималась четыре года, пока мать случайно не обнаружила у неё способности к математике. Саша легко в уме складывала, умножала, вычитала двух, трёхзначные числа. В начале шестого класса Ольга Вадимовна объявила дочери, что с рисованием покончено, так как преподаватель Художественной школы сказал: толку от неё никакого, она полная бездарность. Это заявление любимого педагога потрясло и обидело девочку до глубины души. Альбомы и мольберт перекидывали в ящик стола и оказались забытыми на долгие годы. Мама перевела дочку в класс с математическим уклоном, но произошло непредвиденное: Саша люто возненавидела математику, хотя училась на одни пятерки.

К одиннадцатому классу она так и не определилась с выбором будущей профессии. В школе больше остальных пред-

метов ей нравилась химия и биология. Саша решила поступать в педагогический университет на факультет химии. Сообщила об этом родителям. Вот тогда и разразился скандал. Ольга Вадимовна посчитала идею абсурдной. Этот последний разговор с родителями оставил на душе тяжесть.

– Труд учителя малооплачиваемый, нервный и неблагодарный, – заявила мама. – У тебя талант к цифрам. Пока я при силе, смогу помочь тебе после института. Придешь к нам в фирму бухгалтером-экономистом на мое место. Там меня ценят и знают. Будешь поступать на факультет экономики и финансов.

– Мне не нравится профессия бухгалтера, – возразила Саша.

– Тебе нравится перечить, только и всего. Я взрослый человек и знаю, что лучше для моей дочери. В отличие от тебя вижу: в чём ты быстрее достигнешь успеха. Отправишься в Волгоград. Жить будешь у тетки. Понятно?

Саша сжала голову руками. Атмосфера в комнате накалилась до предела. Ей казалось, что сейчас полетят молнии, гнев родительницы ощущался почти физически.

– Нет. Волгоград далеко. Мне нельзя уезжать дальше Ростова.

– Это ещё почему, – вскинулась мать, поднимая идеально покрашенные ровные брови.

– Стасов и я хотим учиться в одном городе.

Удлиненное лицо Ольги Вадимовны сделалось свекольно-

го цвета, рот перекосялся.

– Господи! Таких, как твой Ванятко, у тебя будет ещё десяток.

Саша задохнулась от гнева и невозможности убедить её. Обида и осознание того, что мать считает чувства к Стасову пустяком, пробудили в ней неприязнь. Накал этой эмоции, похожей на ненависть, испугал девушку.

– Не будет. Он один такой. Почему ты так говоришь?!

– Ты хоть знаешь, из какой он семьи?! Они все уголовники! Я всегда боялась, что он испортит тебе жизнь. Чему хорошему может научить парень из неблагополучной семьи. – Ольга Вадимовна подбежала к мужу, молча сидящему в кресле. – Скажи ей!

– Оля, успокойся. Иван обещал и, кажется, держит своё слово. С Сашей будет полный порядок.

Сергей Данилович отвернулся и промокнул вспотевший лоб носовым платком. Он не хотел, чтобы дочь связала свою жизнь со Стасовым, но не одобрял слишком прямолинейных действий жены. Краем глаза он покосился в открытую книгу, которую начал читать до начала разговора.

– Мама, ты же совсем не знаешь его – он честный и порядочный. Твои слова оскорбляют меня.

Ольга Вадимовна подошла к дочери, стоящей у окна, и вперила сердитый взгляд в её растерянное бледное лицо.

«Господи в кого пошла моя девочка? Плывет, как щепка по течению: ни мнения своего, ни напора. Может в род-

доме перепутали ребенка? Как у меня могла родиться эта, изнеженная, боящаяся настоящей жизни, мямля. Она даже внешне не похожа на нас. Сережа невысокий, ширококостный, крепкий. Я, как метко выразился он однажды, похожа на породистую скаковую лошадь. Во всяком случае, на отсутствие энергии и силы никогда не жаловалась. А Саша, словно фарфоровая статуэтка. Дунешь, упадет и разобьется. Косточки хрупкие, личико с прозрачной кожей, глаза раненой газели. И в то же время этот её вечный глупый восторг. Надо признать: она раздражает и разочаровывает меня. Придется всю жизнь контролировать и направлять эту рохлю, иначе попадет в неприятности. Что обидно, пытается сопротивляться и не слушает умных советов».

– Ты доверчивая дура! Не знаешь ни его, ни семейку этих Адамсов. Неужели собралась за него замуж?

Саша не выдержала пристального взгляда матери и опустила глаза.

– Да! Но не волнуйся! Не скоро. Осенью Ваню заберут в армию.

– Слава богу! Может за эти два года твои глаза, наконец, откроются.

Ольга Вадимовна отобрала у мужа книгу и бросила её на журнальный столик.

– Меня, что, одну волнует судьба дочери? – Задержала сердитый взгляд на его лице. – Если хочешь знать, доченька, мы терпели Стасова только потому, что он выполнял обе-

щанное. Приводил тебя домой вовремя, прямо телохрани-
тель, – хмыкнула она. – К нашей радости не мешал учебе.
Виделись вы один, два раза в неделю. Видимо, в другие ве-
чера он занимался бандитскими разборками.

Глаза Саши налились слезами.

– Ваня работал.

– Ага, в какой-нибудь уличной банде.

– Мама, не оскорбляй его! Ты ничего не понимаешь!

– Понимаю больше, чем ты думаешь! Он шпана, шпаной
и останется. Мы с папой думали: ну год, ну два и наша де-
вочка одумается. А у тебя совсем крыша поехала. Замуж со-
бралась. За кого? Обязательно посети его родственничков.
Познакомься с будущей свекровью. Посмотри в рожу свек-
ра. У Ивана испорченные гены. От таких, как Стасов, нельзя
рожать детей!

– Не смей, не смей так говорить! – Саша испытывала ужас
и непереносимое унижение.

– А почему? Говорю правду. Я долго терпела и слуша-
ла твоего папочку... Нельзя травмировать доченьку. Вдруг
у неё высокие чувства? – язвительно, голосом мужа, произ-
несла Ольга Вадимовна и посмотрела на него. – Чтобы ещё
раз тебя послушала! Видишь, до чего дошло?

Сергей Данилович болезненно сморщился.

– Оля, прекрати.

– А что? Только представь, как семья Стасовых будет об-
щаться с нашими друзьями. Мы с твоим добрым папой ста-

нем изгоями. Пойми, не зря раньше говорили, руби дерево по себе. А ты рубишь не дерево, а стоишь возле трухлявого пенька. Слишком долго нянчились с тобой. Девочка влюблена, – противным голосом, перекривляя мужа, просюсюкала Ольга Вадимовна и снова покосилась на супруга, – нужно дать ей время. Со временем всё поймет. – Она повысила голос и заговорила нормально: – Не поняла. Так вот слушай. Больше никто с тобой миндальничать не будет. Будешь поступать туда, где я скажу и в том городе, какой укажу. Сделаешь по-своему. Ради Бога! Только тогда на нашу помощь не надейся. Будешь учиться, жить и одеваться сама, как сможешь. А ты ничего не можешь! Привыкла всё получать на блюдечке. Вот и оценишь: сколько родители тратят на тебя и как это зарабатывается.

– Я хотела поступать на очное отделение, – растерянно проронила Саша. – Не могу работать и учиться.

– А не всё должно быть так, как хочешь ты. Тебя же не интересует наше мнение? Твою головку, забитую чем попало, не посетила мысль, что родители старше и мудрее. Плохого не посоветуют.

– Не могу быть бухгалтером. Ненавижу возиться с бумагами, – взбунтовалась Саша.

– Я своё слово сказала, а ты думай. И не забудь познакомиться с будущими родственничками заранее – это охладит твой пыл. Думаешь, я не была молодой и не помню, как играют гормоны в твоём возрасте?

Александра побледнела от издевательского тона родительницы.

– Мама, пожалуйста, не говори пошлости.

Отец промолчал. Дочь посмотрела на его опущенную голову. Значит они заодно.

Саша ушла в свою комнату.

«Родители поставили ультиматум. Нужно все обдумать».

Она вздохнула и переменяла позу. Стало прохладно. В парке поднялся лёгкий ветер, погнал по дорожкам песок и листья.

– Не вешай нос, а то твои ямочки спрячутся. Смотри, какая ты, когда улыбаешься. – Художник протянул рисунок, снятый с мольберта.

На лавочке, чуть приподняв лицо к небу, сидела девушка. На неё сыпались желтые, оранжевые, красные осенние листья. Они лежали вокруг скамьи, находились в полете. На не прорисованной ещё картине, чувствовалось, что воздух свеж и прозрачен. Незнакомка улыбалась лукавой улыбкой лесной нимфы. Ямочки на щеках оживляли её задумчивое лицо. От рисунка было трудно оторвать взгляд.

– Ты польстил мне, – вздохнула Саша. – У меня нет и сотой доли обаяния этой девушки.

– Ошибаешься. Ты такая и есть, когда улыбаешься, – возразил парень. – Алекс, ты не помнишь меня?

– Нет, разве мы знакомы?

– Да. Просто давно не виделись. Я узнал тебя по твоим ямочкам на щеках и глазам. Вспоминай... художественная школа... Никита Игнатов.

– Ники!

– Точно. Ты звала меня так. Я живу на другом конце города. Сюда приехал рисовать. Когда увидел тебя в первый раз после стольких лет – обалдел. А ты меня не вспомнила!

– Очень сложно угадать в высоком черноволосом парне, белокурого ангелочка Ники, – улыбнулась Саша. – Где твои кудри? Почему потемнели?

– Вопрос к природе. Цвет волос изменился в седьмом классе, а кудри есть – состригаю. А почему ты бросила рисование?

– Учитель сказал, что я полная бездарность, нет смысла продолжать учебу, – с застарелой обидой в голосе произнесла она.

Никита нахмурился.

– Правда? Странно. А знаешь: ты разбила сердце маленькому мальчику, – ухмыльнулся он.

– Извини.

– Ничего. Уже излечилось. Возьми на память. Дарю девушке с солнечной улыбкой.

– Ты талант, Ники. Когда станешь известным, этот рисунок принесёт мне много денег. – Саша изобразила алчное выражение на лице. Будешь поступать в академию живописи?

– Уже поступил.

Вот так она познакомилась с Никитой во второй раз. Саша стала его музой, а он её лучшим другом. Все свои работы показывал сначала ей. Она честно говорила, если что-то не нравилось. На похвалу тоже не скупилась, восхищения не скрывала. У неё оказался безупречный вкус. Забракованные ею полотна обычно получали плохие оценки у преподавателей. Игнатов понял, если картина понравилась Кручининой – значит действительно удачная. Приезжая домой в Ремезов, мчался к своему критику с новыми рисунками.

Приближалось время сдачи экзаменов. Близилось окончание школы. Ольга Вадимовна больше не заводила разговор о выборе дочери. Она ждала. Саша понимала: вскоре предстоит принять решение. Знала, что мать не потерпит неповиновения. В доме стояла тягостная атмосфера: родительница демонстративно молчала – это было дополнительным способом воздействия на дочь. Ольга Вадимовна умела держать паузу. Даже муж не любил спорить с ней. С провинившимся членом семьи она могла не общаться неделями. Саша ещё в детстве усвоила: противиться матери только вредить себе.

Ей было шесть лет, когда она познакомилась во дворе с Юлей своей ровесницей из соседнего подъезда. Новая девочка понравилась Саше. Они стали подругами. Вместе играли, ходили в гости друг к другу. Ольга Вадимовна с месяц не обращала внимания на подругу дочери, но потом узнала о семье Юли что-то неблагоприятное и заявила:

– Эта девочка из плохой семьи, тебе не стоит общаться с ней. Достаточно Риммы и Эли с ними можешь дружить.

На следующий день Саша вышла во двор. Юля уже поджидала её. Подружки радостно встретились и вместе с другими детьми принялись играть в пятнашки. Саша не восприняла слова матери всерьёз: с Юлей было интересно. Назавтра разразился скандал. Ольга Вадимовна не пустила дочь во двор. Заперла в квартире со словами.

– Если не понимаешь слов, буду воспитывать действием. Когда осознаешь, что не стоит дружить с Юлей, выйдешь на улицу!

Саша четыре дня просидела в квартире, а на пятый день, наблюдая в окно за клоунами, развлекающими малышню на детской площадке, сломалась.

Клоунов пригласили родители Элины на день её рождения. Два забавных человека в огромных башмаках пускали большие мыльные пузыри и показывали фокусы. Сашу тоже пригласили на день рождения, но мама сказала, что она не заслуживает праздника из-за своего упрямства. Дочь подошла к ней и, запинаясь, сказала:

– Я все поняла. С Юлей больше гулять не буду.

Ольга Вадимовна обняла и расцеловала дочь, называя её умницей и красавицей. Её тут же нарядили и отвели к Элине. Именинница встретила её на пороге квартиры. Клоуны с улицы уже переместились в гостиную Снежинских и продолжили показ кукольного представления детям.

Саша радовалась: мама снова её любит. Правда, девочку немного тревожили грустные глаза Юли, когда она сообщила, что больше с ней не дружит.

Второй случай, потрясший Сашу, произошел, когда ей исполнилось десять лет. Она принесла со двора мокрого грязного котенка, выброшенного кем-то на улицу. Прижимая к себе дрожащий комочек, девочка появилась в квартире.

– Что это такое? – с особой интонацией произнесла Ольга Вадимовна.

Дочь сжалась, если мама говорила таким голосом, это означало одно: её ждало наказание.

– Мамочка, он плакал под дождем! Ему плохо одному.

– Ты хочешь иметь котенка в доме? Мы купим тебе здоровое привитое животное. А этого, будь добра, отнеси туда, где взяла! – голос матери повысился, в нем появились знакомые стальные нотки.

– Он же погибнет на улице, – пролепетала Саша, пряча котенка за спину.

– Запомни, говорю один раз! Прежде чем что-то сделать, приходи и спроси нас с папой. Ты ещё ничего не можешь и не имеешь права решать сама.

– В следующий раз я так и сделаю, а сейчас разреши мне его оставить, – умоляла девочка.

Лицо Ольги Вадимовны покраснело от негодования.

– Нет! И пусть это послужит тебе уроком. Иди и отнеси его.

– Ни за что, – заупрямилась Саша и отступила вглубь коридора.

– Посмотрим!

Мать, брезгливо взяв из рук дочери пищащего котёнка двумя пальцами за шкурку, понесла к выходу их квартиры.

Саша с плачем кинулась за ней. Ольга Вадимовна откинула крышку мусоропровода и бросила животное в распахнутый люк. Саша задохнулась от ужаса. Громкий крик прорезался у неё только через несколько секунд.

– Ему же больно!

Мать крепко сжала плечо дочери и потащила в открытую дверь квартиры.

– Знай, это твоя вина! Из-за твоего непослушания пострадал котёнок.

Ольга Вадимовна не разговаривала с дочерью две недели, общалась с ней только в крайнем случае. Саша испытывала глубокое разочарование в матери, но постепенно в том, что произошло, стала винить только себя. Не выдержав тяжелой атмосферы в семье, Сергей Данилович решил поговорить с дочерью.

– Сашенька, извинись, и мама снова станет ласковой. Ты же знаешь, мы хотим тебе только добра. Она испугалась, вдруг ты заболела бы чем-нибудь от бездомного животного. Не волнуйся котенок не погиб и живет в подвале, там много мышей. Ему на воле даже лучше.

Саша извинилась, не понимая за что. Были бурные объ-

тия и ласки. Ей купили новые игрушки. После двух недель тягостного существования, она снова почувствовала себя любимой. О котёнке постаралась забыть. Ещё за три-четыре мелких проступка её наказывали молчанием на день-два, и Саша больше не решалась и шагу ступить без маминого одобрения.

Сергею Даниловичу не нравились методы воспитания жены, но попытки осудить их наталкивались на яростный отпор. Вскоре он убедился, эти методы не так уж и плохи: в семье рос неглупый и послушный ребенок, не доставляющий хлопот. Ольга Вадимовна любила дочь и вознамерилась из мечтательной застенчивой девочки вырастить решительного человека.

Ольга Вадимовна слыла хорошей хозяйкой и умным собеседником. В их квартире по выходным собирались друзья семьи, поиграть в лото и покер. Они восхищались безупречным вкусом хозяйки, хвалили её кушанья. Обычно это были родители Риммы, Элины или сослуживцы отца с женами. Взрослые вели долгие разговоры, выпивали понемногу, общались, танцевали. Саша с подружками играла в своей комнате или во дворе на улице. Только один раз метод воспитания Ольги Вадимовны дал сбой. В седьмом классе её девочку из школы до дому проводил рослый серьёзный мальчик. Сначала он понравился женщине, и она не стала возражать против их дружбы, пока не навела справки о семье Стасовых. И тогда пришла в ужас. На семейном совете решили отпра-

вить дочь на всё лето в деревню. Ольга Вадимовна подошла к возникшей проблеме взвешенно. Она надеялась, что тринадцатилетняя Саша за лето забудет мальчишку, но произошло неожиданное. Осенью подросший и возмужавший Ваня снова появился в их дворе. Нужно было срочно принимать меры. Счастливое лицо дочери говорило само за себя. Родители поняли, их девочка серьёзно влюблена, а избранник совершенно ей не подходит. Пока размышляли, время шло. Простым запретом обойтись не получалось. Саша ничего не хотела слушать о своём друге.

Ольга Вадимовна серьёзно побеседовала с мужем, и тот впервые запретил грубо вмешиваться в отношения дочери с одноклассником.

– Ты заметила, что они редко видятся? Мальчик вынужден работать и содержать себя сам. Я тоже волнуюсь за дочь и всё узнал о его семье. Друг его папаши взял мальчишку в свою строительную бригаду подсобным рабочим. Летом Стасов снова уедет с ними на заработки. Саша останется одна. Время работает на нас: или она увлечется кем-то другим, или он. Подростки так непостоянны. Согласен с тобой, Иван не пара нашей девочке, слишком плохие гены. Это сейчас он ведет себя примерно, а что будет потом... Я поговорю с ним, как мужчина с мужчиной. Потребую, чтобы он приводил Сашку домой ровно в одиннадцать. И не дай ему бог! Сядет в тюрьму! Если ты по своей привычке будешь настаивать на разрыве их отношений, может произойти непоправи-

мое. Стасов не котёнок, в мусоропровод не выбросишь. Давай поступим по-умному. Послушай меня хоть раз в жизни.

Прошел год, другой, третий – увлечение Саши не проходило. Ольгу Вадимовну успокаивало одно: дочь по-прежнему редко виделась с Ваней, и он твёрдо соблюдал слово, данное Сергею Даниловичу. Ей не хотелось признавать, но парнишка, как добрый ангел хранил их девочку. Отношение к самому Ивану не изменилось.

Последний год учебы в школе стал самым трудным не только для Саши. Ольга Вадимовна не находила себе места. Дочь перестала слушаться. Намеривалась поступать в педагогический институт, игнорируя её планы. Самое ужасное: она собиралась учиться и жить с этим мальчишкой в одном городе. А после ещё и выйти за него замуж. Это был крах всех её надежд, связанных с дочерью. Пускать на самотек судьбу своей девочки, Ольга Вадимовна не собиралась и поставила ей ультиматум. Сергей Данилович пытался заступиться за Сашу. В ответ получил жесткую отповедь.

– Только благодаря тебе у Александры с Иваном всё зашло слишком далеко. Если бы не твоя идиотская затея, я бы давно заставила дочь оставить этого маргинала! Твои советы в отношении дочери слушать больше не намерена, и исправлю то, что ещё возможно.

Ольга Вадимовна часто задумывалась, как мог у неё волевой и целеустремленной женщины, родиться витающий в облаках, не от мира сего ребенок. Саша даже внешне не по-

ходила на родителей. Ни в матери, ни в отце не было её хрупкости и незащитности.

Первое разочарование Ольга Вадимовна испытала, наблюдая за своей дочкой на детской площадке. Двухлетняя Сашенька без борьбы и крика отдавала другим детям свои игрушки, а сама наблюдала за муравьями в траве. Вместо подвижных игр девочка могла по часу разглядывать облака на небе или любоваться цветами. Она не вступала в споры и разборки, уступая более сильным детям. Ольга Вадимовна злилась, когда видела дочь, отрешенно слушающую музыку и наблюдающую за птицами в саду. Бывая на даче, Саша возилась на клумбах, высаживая из одноразовых стаканчиков микроскопическую рассаду. В школе Саша тоже не радовала родительницу: она не участвовала в спортивных мероприятиях, уваливала от пеших походов, уклонялась от конкурсов и соревнований. Девочка обожала рисовать, делала из шелковых лент и бисера букеты цветов, шила наряды для кукол. Ольга Вадимовна терпеливо выискивала хоть один талант, который бы по её мнению пригодился дочери в жизни. Разрешила ей заниматься в художественной школе. В третьем классе у Саши неожиданно обнаружились способности к математике. Ольга Вадимовна почувствовала себя счастливой: её ожидания сбылись. Она сама, бухгалтер от бога, считала свою профессию очень важной. Саша всё-таки унаследовала её гены. В первую очередь благодаря Ольге Вадимовне семья Кручининых не испытывала денежных затруднений.

Муж начальник строй участка тоже неплохо зарабатывал, но всё же меньше, чем жена. Она посетила преподавателя рисования и поговорила с ним. Для себя сделала вывод: если у дочери и есть талант художника, то не явный. С этого момента Ольга Вадимовна решение судьбы единственного ребёнка полностью взяла в свои руки. Забрала её из художественной школы и перевела в математический класс.

«Девочка рохля и мямля, каждый может обмануть – значит нужно выковать характер. Настроить на получение профессии бухгалтера-экономиста. Тогда могу не волноваться, что Саша будет перебиваться с хлеба на воду. Мы с отцом не вечны. Вряд ли из неё выйдет хорошая жена. Как бы я не любила дочь, вижу: она ни рыба, ни мясо».

Так и пошло выковывание характера Александры.

ГЛАВА 4

Саше было невыносимо находиться дома. После школы она приходила в парк и часто заставляла там Никиту перед мольбертом. Они говорили обо всем. Иногда Ники молча рисовал, Саша наблюдала за ним или читала книгу. Так и увидел их Стасов. Она радостно вскочила ему навстречу. Иван обнял её и угрюмо взглянул на художника.

– Это ещё кто? – ревнивые нотки прозвучали в его голосе.

– Никита – будущая знаменитость, – представила она нового друга. – А это Ваня – мой парень.

Молодые люди пожали друг другу руки. Через минуту они уже обсуждали новости спорта.

Ещё одна фотография. Молодая женщина подложила подушку под спину, на минуту закрыла глаза. Образы прошлого заставляли сердце сжиматься от боли.

Заснеженная улица. Ваня стоит на тротуаре возле школы. Снег лежит его на плечах, на непокрытой голове. Глаза смотрят с затаённой улыбкой. Саша провела пальцем по глянцевої поверхности фото. Коснулась подбородка с ямочкой, провела по шраму над густой бровью.

«Я предала его. Оказалась слабой и расчетливой. Кроме себя винить некого?»

Тот день в памяти остался тяжёлым воспоминанием, долгое время отравляющим её жизнь.

Начало апреля. Стасова снова нет в школе. Его телефон молчит. Саша извелась от переживаний. На третий день отсутствия Ивана в классе, она решает отправиться к нему домой. Раньше он не забывал позвонить.

«Что же случилось?»

Саша поинтересовалась у одноклассников:

– Кто-нибудь знает, где живет Стасов?

– Быстро получила ответ:

– Ну, если ты не знаешь, где он проживает, то мы и по-давно.

Ее осенило – Никита. Вот кто должен быть в курсе. Что художник общается с Иваном, она поняла по некоторым фразам, обронённым Стасовым. Саша набрала номер телефона Игнатова.

– Привет. У меня к тебе просьба. Дай мне адрес Вани. Его нет в школе уже три дня.

В трубке раздалась гудки. Она решила, произошёл сбой, и абонент стал недоступен, но тут её телефон ожил.

– Послушай, с Иваном теперь порядок. А не мог позвонить, потому что телефон разбился. Тебе не стоит идти к нему домой. Стасов не хотел, чтобы ты знала, как живет его семья. Он не приглашал тебя, и ты должна уважать его желание.

– Ники, пожалуйста, скажи, что с ним?

Игнатов откашлялся и сдавленно произнёс:

– Он в больнице с сотрясением мозга и переломом ребер.

– Что? В какой больнице? Я могу хотя бы туда поехать? – стала умолять его перепуганная Саша.

– В центральной. В отделении травматологии, – нехотя сообщил Никита и пробурчал: – Стасов меня убьёт.

«Неужели все, что говорили об Иване, правда? Он в банде и снова пострадал в драке. Может, я его не знаю и Ваня на самом деле совсем другой?»

Она старалась быть хорошей девочкой, слушала маму, подруг. Ваня не хотел говорить о себе, перестала спрашивать. Приходил в школу в синяках – жалела и молчала. Не гово-

рил, где живет – не интересовалась. Всю свою небольшую жизнь, как страус прятала голову в песок. В результате, не знает человека, которого любит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.